

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В НЕКЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕДУКЦИОНИЗМА В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Э.В. БУРМАКИН

Так бы и прозябать редукции в качестве частного приёма в разных дедуктивных науках, если бы не проявил к ней особенный интерес позитивизм, возведя в ранг решающего способа познания, позволяющего установить «гносеологически элементарный материал», что и объявлялось смыслом познавательного процесса, который значительно упрощался.

Вот как это поясняет Р. Карнап: «Отношение, которым в первую очередь занимается теория познания, это дифиниционное отношение, в терминах которого наши сложные высказывания связываются цепочкой определений с гносеологически элементарными высказываниями. На каждом этаже некоторый объект или тип объекта определяется, согласно соответствующим правилам перевода, в терминах чего-то более элементарного. Например, дроби можно определить в терминах целых чисел, простые числа – как натуральные числа, имеющие в качестве делителей только себя и единицу, а гнев – в терминах физических реакций» [1]. Выразительный образ родился в статье известного литературного критика Татьяны Касаткиной [2]. «В сумерках, разрезающих линии и объёмы, мир становится плоским, теряет глубину... И это непереносимо. Когда я потом прочла у Даниила Андреева о последовательной редукции измерений в низших областях ада, о сведении доступного пространства к двумерному, затем – одномерному, я даже не то что поняла, о чём он пишет, – я это просто сразу узнала».

Итак, под натиском редукционизма мир уплощается и упрощается; тогда самые сложные проблемы низводятся до уровня элементарных и их решение представляется совершенно пустяковым делом. Многотрудные процессы психической, интеллектуальной сферы низводятся до степени физиологических реакций. Сегодня у Карнапа, считавшего, что гнев можно свести к «физическим реакциям» есть последователи. Достаточно назвать имя весьма модного писателя, автора романа с очень примечательным названием – «Роман с простатитом», Александра Мелихова, который убеждённо отдаёт первенство в человеческой жизнедеятельности физиологии. Правда, сегодня он одновременно развивает новую теоретическую гипотезу, считая, что общество людей и отдельные личности живут придуманными грёзами, именно грёзы и дают силы жить. Вести речь об истине, о некоем объективном знании в этом случае не приходится. «Истина – это любая коллективная иллюзия, коллективная грёза, которая убивает скепсис... истина неотделима от механизма её формирования... останется только физиология деятельности деградирующего и стремительно превращающегося в рудимент мозга» [3].

Несостоятельность редукционизма демонстрировал Д.С. Лихачёв, когда говорил о неразрешимой до конца проблеме преодоления межязыковых и межкультурных барьеров. Если бы при общении людей разных культур все сложности сводились к трудности овладения обширным словарным запасом, то эта проблема решалась бы в рамках совершенствования методик обучения иностранным языкам. Однако трудности в общении разноязычных людей начинаются именно тогда, когда,

пройдя этап стандартного ситуативного общения (знакомство, погода, семья и т.д.), они пытаются воспользоваться своим этническим культурным опытом. Дело в том ... что адекватное восприятие содержания концепта возможно лишь при достаточной близости национальных, сословных, классовых, профессиональных, семейных – культурных опытов людей. Если этой близости нет, то послания одного собеседника будут расшифрованы другим только на уровне словарных значений. А заложенная в словах информация ими обычно не исчерпывается» [4].

Заражённое редукционизмом сознание действительно становится опасным, когда оно пытается осмыслить явления социальные.

А.А. Зиновьев, беседуя с молодым учёным Чингизом Шамшиевым, отмечал, что в странах Запада «произошёл огромный эволюционный перелом. Возник... принципиально новый тип социальной организации. Я его называю американизмом. Это уже не Запад. Это не западная цивилизация... Вот это явление самое страшное», ибо «человек, которого когда-то породила западная цивилизация в эпоху Возрождения, сейчас практически уничтожен... как историческое явление человек цивилизованный, добрый, наивный, непрактичный, утопический, идеалистический, романтический, неэгоистичный уже практически не существует... победило другое явление: эгоистичный, расчётливый и жестокий дикарь, современный варвар, обвешанный с головы до ног высокотехнологическими приспособлениями. Теперь надо всё начинать с нуля – с создания нового человека» [5].

В этом случае и вступает в полную силу система образования и воспитания.

Т. Касаткина высказывает мысль о том, что «кризис образования возникает тогда, когда общество перестаёт себя уважать, когда ему становится стыдно и страшно обучать самому себе» [2]. Применительно к современным российским условиям общество, кажется, вовсе не стесняется обучать новое поколение самому себе. Во многих СМИ резко критикуется реформа отечественного образования, которая, тем не менее, осуществляется.

Понятно, что в этом случае классическое университетское образование оказывается излишним. Университет отличается не только особенно глубоким и совершенным уровнем преподавания специальных областей знания, но и наличием в учебной программе комплекса социальных и гуманитарных дисциплин, позволяющих охватить не только свою будущую специальность, но и мир, в котором ты пребываешь, выработать адекватное современности мировоззрение.

Хотелось бы подробнее сказать об эстетике и эстетическом воспитании в современном университете, так как эта дисциплина и её преподавание явно недооцениваются. Правда, современной эстетике тоже приходится преодолевать редукционизм. Так, прослеживается тенденция сведения эстетического только к чувству удовольствия. Преподносится это как необходимое расширение сферы эстетического, учитывающего специфические черты современного искусства. Действительно, чтобы признать некоторые современные «произведения» искусством, необходимо расширить само понятие эстетического. «Шедевры» современного искусства демонстрировались недавно на биеналле в Москве: куча мусора, нарисованные беллами на стекле гениталии, как их обычно рисуют хулиганы-подростки на заборах. Если подобные экспонаты у кого-то вызывают чувство удовольствия, то вот вам и основание включить их в число эстетических ценностей.

Сведение эстетического только к удовольствию не является изобретением современных мыслителей; об этом писали ещё эпикурейцы, ставившие эстетическое наслаждение в один ряд с гастрономическим, этими идеями забавлялся и великий Дидро. Но в том-то и сила и своеобразие эстетического, что оно по своей сути, по самой своей природе несводимо ни к одной из своих сфер; ни к чувствам, ни к рацио. Эстетическое есть неразрывная связь всех сторон, представляет собой единую целостность: рационального и эмоционального, субъективного и объективного,

сущности и явления, сознательного и бессознательного, утилитарного и незаинтересованного любования и т.п.

Да и само эстетическое чувство вовсе не сводится только к ощущению удовольствия. Оно принадлежит к высшим социальным чувствам и обладает сложной структурой, отличается от простейших эмоций, к которым его хотели бы свести, тем, что возникает на основе обобщения жизненного опыта. Оно может возникать без внешнего возбудителя, в интеллектуальной сфере, обладает устойчивостью. Необходимо также учесть тот факт, что субъектом эстетических чувств может быть не только отдельная личность, индивид, но и социальные группы, значит, эстетические эмоции являются частью социальной психологии. По этим причинам общество всегда заинтересованно относилось к эстетическим переживаниям своих граждан. Наконец, чувство удовольствия никогда не было единственным и решающим в эстетическом отношении человека с миром, ибо как быть с чувством трагического, возвышенного, прекрасного? Можно ли забыть о том, что конечная цель эстетического впечатления – это катарсис?

Современное искусство свидетельствует о серьёзном духовном заболевании многих российских граждан. Прежде всего это обнаруживается в чувственной, эмоциональной сфере. Продолжая мысль А. Зиновьева о том, какого человека мы потеряли, следует сказать и об ушедших из нашей жизни человеческих качествах и эмоциональных способностях. Это способность к сочувствию и состраданию, сентиментальность, открытая восторженность при встрече с прекрасным, бескорыстное любование, любовь к родному языку, рождающая бережное к нему отношение и умение говорить, используя всё его великое богатство, мы разучились быть великодушными и т.д. А. Зиновьев считает, что мы пришли к исходному пункту и надо начинать с нуля. Если с этим согласиться, то начинать надо с воспитания чувств. Чувственная невоспитанность, эмоциональная неразборчивость, подкреплённые объявленными свободами и практически непрерывными призывами разнообразных СМИ «оттянуться по полной», «получить наслаждение», «жить без комплексов» и т.п. вырабатывают у неискушённой молодёжи, мягко говоря, не самые полезные черты характера и поведения.

Вновь приходится напомнить общеизвестное: эстетическое воспитание и есть, прежде всего, воспитание чувств. А сверх того, пробуждение творческих потенций, развитие воображения, способности к ассоциативному мышлению и многих других качеств, столь необходимых получающему университетское образование и активно входящему в современную жизнь.

У Томского университета в этом отношении есть замечательный опыт. В 1978 г. здесь была открыта первая в СССР межвузовская кафедра этики и эстетики. Лекции по этим дисциплинам читались на всех факультетах. Занятия эстетикой были подкреплены вечерним студенческим университетом искусств, имевшим пять факультетов (театрального искусства, киноискусства, изобразительного, музыкального с отделениями симфонической музыки и камерно-органной, позже появился ещё литературный факультет). Увы, сегодня это только воспоминания. Хотя институт искусств и культуры ТГУ продолжает сохранять преподавание этики и эстетики не только в собственных своих институтских границах, но читает эти лекции и на некоторых других факультетах университета. Преподавание этих дисциплин, учитывая остроту современных проблем воспитания, надо бы распространить на все факультеты, но есть опасность, что проводимые реформы высшего образования оставят эти предметы за бортом учебных планов.

В заключение необходимо ещё раз вернуться к понятию редукции и редукционизма. Очевидно, что и в научном познании редукция – это лишь самый первый, практически механический познавательный шаг. Наиболее существенные результаты достигаются лишь тогда, когда мышление исследователя оказывается способ-

ным усмотреть целостную суть изучаемого явления. Эстетическое восприятие и предполагает такой подход. По этим причинам выдающиеся современные учёные обращались к эстетическому как критерию истины, а эстетическое чувство становилось для них инструментом познания, производящим отбор вариантов решения научных задач.

«Несводимость какого-либо явления означает, прежде всего, его инвариантность, относительную, либо же абсолютную автономность и соответственно – понимание явления адекватно его собственной сущности, не отождествляемой и не подменяемой сущностью другого, сходного или близкого, родственного, однопорядкового и т.д. явления. Очевидно, что условие несводимости может быть соблюдено в теории лишь тогда, когда явление рассматривается в его целостности, представленное не как механическая сумма частей, а как органически единый феномен, не расщепляемый в своём реальном бытии и не сводимый к чему бы то ни было и, следовательно, предполагающий целостность явления не только в онтологическом аспекте, но и с точки зрения его гносеологического эквивалента» [1, с. 52–53].

Таким образом, редукционизм ущербен и в познании, но он становится опасным, когда его пытаются применить в общественном знании. Препятствием для распространения идей редукционизма является полноценное университетское образование, а в нём обязательный блок философских и культурологических дисциплин, среди которых эстетика, несомненно, исполняет одну из ведущих ролей как мощная антиредукционная сила.

Задача состоит в том, чтобы сохранить основные качества классического университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопджанян Е.С.* Эстетическая сила науки. Изд. АН Армянской ССР, 1990.
2. *Новый мир.* 2007. № 4.
3. *Литературная газета.* 2007. 4–11 мая. № 19.
4. *Литературная газета.* 2007. 23–29 мая. № 21.
5. *Tolstoi – Bibliothek.* Ruisische Bibliothek. Veranstaltungen Sozialberatung. Bulletin № 130, September 2006.